

Дело о типографии и живом тексте

Отдел „Тихий ужас“

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о типографии и живом тексте

<https://litres.ru/74610994>

SelfPub; 2026

Аннотация

Типография на Заводской, 7 — последняя в городе, где ещё держат линотип и пахнет краской. Ей семьдесят четыре года. В конце месяца она закрывается: оборудование выкупает музей, помещение — застройщик, последний тираж уже подписан.

Но в подсобке, на третьей полке снизу, лежит тонкая книга в коленкоровом переплёте — без выходных данных. Каждое утро наборщик Никита Прокопьевич вписывает туда тираж. Каждое утро цифра оказывается другой. Он давно перестал удивляться.

В типографии есть правило: сверстанное не перечитывают вслух. Потому что текст может сам себя поправить — без редактора, без корректора. Иногда лучше. Иногда так, что автора потом долго не приглашают в редакцию.

За неделю до закрытия туда приезжает отдел номер семь. Повод странный: в последнем номере городской газеты сам собой изменился абзац.

А ещё — решить простую для человека и сложную для отдела вещь: что делать с живым текстом, которого никто не писал.

Содержание

Глава 1. Типография на Заводской, 7	4
Глава 2. Книга, в которую не смотрит никто	8
Глава 3. Литера «Ъ»	13
Глава 4. Аким читает вслух	18
Глава 5. Последний тираж	25
ЭПИЛОГ. Полоса	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дело о типографии и живом тексте

Глава 1. Типография на Заводской, 7

Первое, что заметил Дроздов, — пахло.

Пахло типографской краской. Пахло старым железом. Пахло бумагой, которая побывала в машине и вышла из неё уже не бумагой, а газетой. Пахло так, как не пахнет нигде больше — ни в библиотеке, ни в архиве, ни в подъезде. Это

был запах отдельного мира.

Типография на Заводской, 7 стояла с пятьдесят первого года. Здание — низкое, кирпичное, с высокими окнами на первом этаже и трубой на крыше. Раньше труба дымила, теперь не дымит. Оборудование внутри — старое, но рабочее. Ротационная машина, два лино типа, шесть наборных касс, ленточный принтер, шесть больших цинковых столов и один маленький, в углу, на котором лежали — всегда, исторически — ножницы, клей, старые газеты.

Никита Прокопьевич работал наборщиком с семьдесят девятого года.

Ему было шестьдесят шесть. У него было лицо человека, который долго смотрел в мелкий шрифт: глаза прищуренные, взгляд очень точный, губы сухие. Руки были большие, с медными пятнами на подушечках — от свинца. Он говорил редко. Если говорил, то по делу.

Заявление в отдел номер семь подал не он. Подал главный редактор городской газеты Матвей Сергеевич Гуцин. Заявление было короткое и очень подробное: в последнем, уже свёрстанном и уже отпечатанном номере газеты изменился один абзац. Никто его не правил. Абзац теперь читался иначе. В нём — фамилия, которую в городе не произносят с девяносто третьего года.

Фамилия — Свешников.

Орлов прочёл это в понедельник утром.

Он читал в отделе. Рубашка — идеально выглаженная. Во-

ротник — ровный. Муромцев лежал на диване. Синичкина раскладывала материалы по стопкам. Кулибин паял. Дроздов листал телефон. Громобоев стоял в дверях с папкой и повторял ровно два раза в минуту: «Типография — это ерунда, это всё баловство».

Тимофей сидел на подоконнике, рядом с геранью.

Он не реагировал.

До одного момента.

Орлов прочёл вслух:

— «В девяносто третьем году бригадир Свешников с Заводской вышел на смену и не вернулся. Дело закрыли. Семья уехала. В городе о нём не вспоминают».

Тимофей — поднял голову.

Он не поднял уши. Он поднял голову целиком. Медленно. И посмотрел на Орлова.

Потом — посмотрел в стену. Не так, как в деле 8, когда он смотрел в стену спиной к воде. Сейчас он смотрел прямо. Внимательно. Как будто слышал шаги в стене.

Никто не заметил. Кроме Муромцева, который лежал с закрытыми глазами и уже открыл оба.

— Майор.

— Что.

— Кот смотрит в стену.

— Ну и что.

— В первый раз у нас кот смотрит в стену в отделе.

Орлов отложил бумаги. Посмотрел на кота. Кот смотрел

в стену.

— Ладно, — сказал Орлов. — Едем.

Выехали через час. Кот — на своём месте, в машине, у окна. Дроздову снова выдали переноску. Кот снова в неё не пошёл. Кот ехал сидя. Как человек.

По дороге никто не шутил.

Типография на Заводской, 7 показалась издалека. Кирпичное здание, окна высокие, на крыше — труба. У входа стоял Никита Прокопьевич. В фартуке. С полотенцем на плече. Смотрел на машину спокойно, как смотрят на пассажирский поезд, который приходит по расписанию.

Он подошёл к машине, когда она остановилась. Поздоровался с Орловым за руку. Поздоровался с остальными — кивком. На кота посмотрел отдельно. Долго.

И сказал:

— Ну, слава богу. Я думал, никто не приедет. Я тут уже месяц сам с ним разговариваю.

— С кем? — спросил Орлов.

Никита Прокопьевич посмотрел на него.

— С текстом.

Он открыл дверь.

Они вошли.

Внутри пахло краской. Сильно. Так, как раньше — сильно.

Глава 2. Книга, в которую не смотрит никто

В цехе было светло. Высокие окна давали много холодного синеватого света, и в этом свете старая машина, линотипы и цинковые столы выглядели как в музее. Только музей был не музейный, а рабочий. На одном столе лежала неразобранная пачка свежих газет. На другом — ящик с литерками, открытый, как шкатулка. У машины крутился рулон газетной бумаги.

Работали здесь трое: Никита Прокопьевич, молодой верстальщик Костя — парень двадцати двух лет, вечно в науш-

никах, и мальчик Аким, двенадцать лет, сын Кости, приходивший после школы «помогать». Помощь его выражалась в том, что он читал вслух всё, что ему давали. Он читал очень хорошо. Это была, как все говорили, «семейная особенность».

— Вот, — сказал Никита Прокопьевич. — Это цех. Это наши кассы. Это линотипы. Это ротация. — Он показал рукой последовательно. — Это подсобка.

— А где книга? — спросил Орлов.

— В подсобке.

— Проводите.

Подсобка была маленькая. Пять шагов на три. Полки вдоль стены, три уровня. На первом — папки. На втором — старые газеты в переплётках. На третьем — литература: словари, справочники, тонкие брошюры. И — на третьей полке снизу, аккуратно, отдельно — тонкая книга в коленкоровом переплёте. Синяя. Неброская.

Никита Прокопьевич снял её. Положил на стол.

— Открывайте.

Орлов открыл.

Книга была рукописная. Каждая страница — в линейку, каждая строка — ровная. Записи шли с пятьдесят второго года. Тогда — карандашом. Потом — ручкой. Совсем недавно, судя по почеркам, кто-то писал шариковой. Всё это были даты, номера и цифры тиражей. Один день — одна строка.

Никита Прокопьевич сказал:

— Я работаю здесь с семьдесят девятого. Как пришёл — книга была. Её вёл мастер. Потом мастер умер, я стал вести. Всё по правилу: тираж — в книгу. Ручкой. Каждый день.

— Своей рукой?

— Своей.

— И что не так?

Никита Прокопьевич помолчал.

Потом сказал:

— Я пишу две тысячи двести экземпляров. Утром прихожу — стоит две тысячи триста. Я переписываю обратно на две двести. На следующее утро — две тысячи двести снова. Я плюнул. Пишу как есть. Утром — две тысячи триста. Ну и оставил.

— А почему тираж меняется?

Никита Прокопьевич посмотрел на него.

— Так вы же мне и скажите, — сказал он спокойно. — Я вас для этого и вызвал.

Синичкина записала. Кулибин отошёл к автомату, стоящему у стены. Он снял крышку и стал смотреть, что под ней. Дроздов снимал. Муромцев стоял у двери подсобки. Громобоев остался в цехе, ни шагу в подсобку, как всегда.

— Кто ещё ведёт книгу? — спросил Орлов.

— Никто. Кроме меня — никто.

— Мастер?

— Умер в две тысячи одиннадцатом. У него была дочь. Она приезжала. Смотрела. Сказала — забирайте. Я забрал.

— Как его звали?

— Свешников.

Орлов посмотрел на Синичкину. Синичкина — на Орлова. Тимофей — на книгу.

— Тот самый? — спросил Орлов.

— Тот самый, — сказал Никита Прокопьевич. — Бригадир Свешников. Он не исчез. Он остался. В книге.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего я не имею в виду, — сказал Никита Прокопьевич. — Я в типографии тридцать пять лет работаю. Я в мистику не верю. Но я вам вот что скажу. С той поры как Свешников мне книгу оставил, у нас в цехе текст живой. Сверста-ли — не перечитывайте вслух. Не потому, что примета. А потому что подправит.

— Как подправит?

— По-своему. — Никита Прокопьевич пожал плечами. — Иногда лучше. Иногда хуже. Иногда так, что потом автора в редакцию не приглашают.

— Пример?

— Да вчера же случай. — Он взял со стола газету. — Вот, вчерашняя. Абзац про Свешникова. В печать ушёл один. Утром читаю — другой. Никто не правил. Вот. — Он ткнул пальцем.

Орлов посмотрел. Абзац был короткий, аккуратный, напечатанный свежей краской. Фраза заканчивалась словами: *«...и не вернулся».*

Ровно так, как было в заявлении.

— А в печать что ушло?

— «И вышел на смену». — Никита Прокопьевич сказал это спокойно. — А утром стало «и не вернулся». Кто поправил — не знаю. Я в книгу заглянул — там стоит тираж, как надо. Я ее потом переворачиваю, и на форзаце вот это.

Он открыл книгу на форзаце. Там было что-то написано. Мелким почерком. Коричневыми чернилами.

Орлов прочитал вслух:

— «Кто читает — тот и автор».

В подсобке стало тихо.

Тимофей сидел на полу, спиной к стене. И — смотрел на книгу. Внимательно, ровно, в упор. Как смотрят на что-то, что знает тебя дольше, чем ты сам.

Глава 3. Литера «Ъ»

Дракон приехал к концу дня.

Он приехал не как в деле 9 — с папкой наперевес, а аккуратно. Он позвонил заранее. Спросил, можно ли приехать. Никита Прокопьевич сказал: «Приезжайте, у нас тут спокойно, когда не печатаем». Дракон приехал. С портфелем. В плаще.

Он вошёл в цех и остановился.

Он долго смотрел на ротационную машину.

Потом сказал тихо:

— Я тут был.

— Когда? — спросил Никита Прокопьевич.

— В шестьдесят третьем. — Дракон не отрывал взгляда от машины. — Мы выпускали здесь восьмиполосный юбилейный номер. Я стоял у наборной кассы. Мне дали литерату. Я держал литерату.

— Какую?

— «Ъ».

Никита Прокопьевич отошёл к кассам. Открыл верхний ящик. Долго рылся.

— У нас такой литеры нет, — сказал он наконец. — Твёрдый знак мы не используем. С девяносто первого года.

— Я знаю, — сказал дракон. — Её больше нет. Но она тогда была.

Он подошёл к кассам. Посмотрел в ящики. Долго. Потом медленно спросил:

— А где Свешников сидел?

— Вон. — Никита Прокопьевич показал на стол у окна. — За третьим.

Дракон подошёл к третьему столу.

Он наклонился. Он посмотрел на стол.

На столе не было ничего особенного. Просто стол. Просто дерево. Скол на краю. Поцарапанная поверхность. Следы карандаша, клея, краски.

Дракон провёл по нему ладонью.

Потом сказал:

— Он здесь.

— Кто он? — спросил Орлов.

— Тот, кого мы ищем. — Дракон выпрямился. — Свешников. Не как человек. Как текст. Он в этой типографии как приём: наборщик-призрак, который правит набор. Я такое видел один раз. В Костроме. В восемьдесят шестом. Там был корректор, который не ушёл после смерти. Он правил только запятые.

— И чем кончилось?

— Сожгли его наборную кассу. — Дракон посмотрел на Орлова. — Зажарили запятые. И он ушёл.

— Здесь мы жечь ничего не будем, — сказал Орлов.

— Правильно, — сказал дракон. — Потому что он не вредит. Он держит. Как домовый держит дом — вот этот держит ремесло. Типография закрывается. Ему некуда.

Никита Прокопьевич стоял у кассы. Лицо у него было сложное. Он смотрел на наборные ящики как на что-то очень дорогое, которое сейчас увезут.

— Правда, что она закрывается? — спросил Орлов.

— В конце августа. Оборудование забирает музей. Помещение — застройщик. Всё подписано. — Никита Прокопьевич помолчал. — Я уже уволился. В пятницу уволен.

— А вы не хотите, чтобы не закрылась?

— Хочу, — сказал Никита Прокопьевич. — Но я человек. Я один. Я тут ничего не решаю. А он — решает.

Он кивнул в сторону третьего стола.

Кулибин в этот момент закончил работу с прибором-чай-

ником. Он вышел из подсобки. Сел на цинковый стол. Снял круглые очки на резинке. Протёр. Надел. И сказал — в первый раз за всю главу:

— Я определил, где в цехе «действует».

Орлов посмотрел.

— И где?

— Не в книге, — сказал Кулибин. — Не в машине. В наборе.

— Набор — это буквы. Буквы — это текст. Текст — это то, что он правит. Вот, — сказал Кулибин, — я его обнаружил. В третьей наборной кассе. Все литеры в порядке, кроме одной. Одна — не та, что должна быть.

Он подошёл к кассе. Открыл третью ячейку сверху. Запустил руку. Вынул одну литеру.

Положил на стол.

Литера была тёмно-серая, свинцовая. На ней значилось: «Ъ».

Все посмотрели на дракона.

Дракон посмотрел на литеру.

Потом сказал:

— Ну вот. Значит, я всё-таки не выкинул её в шестьдесят третьем.

Он взял литеру в лапу.

И — аккуратно — вернул её в третью кассу, в третью ячейку. Туда, откуда её достали.

— Не трогайте, — сказал он. — Она его.

Глава 4. Аким читает вслух

Акима привели на следующий день — по его собственной просьбе. Он приехал на велосипеде, поставил велосипед у крыльца, вошёл в цех, снял рюкзак и сказал:

— Здравствуйте. Я тут читаю вслух.

— Мы в курсе, — сказал Орлов.

Аким был двенадцати лет. Худой. Очень серьёзный. В очках на резинке, как у Кулибина, только меньше на размер. У него была привычка — прежде чем начать читать, приложить лист к губам.

— У нас так делают, — сказал он спокойно. — Это как

пробовать на вкус.

— И как на вкус? — спросила Синичкина.

— Вот этот — правильный, — сказал Аким и постучал по листу пальцем. — А вот этот — неправильный. — Он постучал по второму листу. — Он не тот, что в машине стоит.

Пазл щёлкнул.

Синичкина посмотрела на Орлова. Орлов — на Никиту Прокопьевича. Никита Прокопьевич — на Акима. Аким — на дракона.

Дракон посмотрел на лист. Помолчал.

— Мальчик прав, — сказал он. — Этот текст в машине — не тот, что мы видим на бумаге. Мы видим не то, что напечатано. Мы видим то, что переписано.

— Кем?

— Тем, кто читает вслух.

— В смысле? — спросил Дроздов.

— В смысле — вот, — сказал дракон. — Мы в деле 8 выяснили: вода запоминает информацию. Дерево в деле 9 — помнит людей. Бумага, естественно, делает то же самое. У древних на этом строилось пророчество: прочитал — стало. У нас наоборот: прочитал — стало иначе. Типография работает как узел: набор — типографская буква — бумага — читатель. Читатель закрывает контур. Кто-то в цехе должен был однажды вслух прочитать эту книгу — и она начала жить.

— Её читали вслух?

Никита Прокопьевич снял полотенце с плеча.

Потом сказал:

— Читали. В пятьдесят третьем. Свешников. В цехе. Один. Ночью. Первый тираж последнего номера. Никто не слышал, что он читал. Но — говорят — он прочитал весь номер целиком. От первой до последней строчки. И тираж вышел не такой, какой должен был.

— И?

— И его убрали. В девяносто третьем. Потому что он больше не был человеком. Он был текстом. Его перевели в архив. Он уехал. Умер в две тысячи одиннадцатом. В Новосибирске. С книгой в руках.

— А книга вернулась.

— Книга вернулась, — сказал Никита Прокопьевич. — Через два года. Доставкой. Пришли — принесли. Кто — неизвестно. Я открыл. Она была в тех же записях, но последняя строка была новая. Дописана. Не моей рукой, не его. Чей — не знаю.

— Что там дописано?

— «Тираж две тысячи двести».

— И всё?

— И всё.

Орлов посмотрел на Акима.

— Аким.

— Да.

— Ты когда последний раз читал вслух? В этой типографии. Что-нибудь.

— Вчера, — сказал Аким, — я читал ему новый номер. Из машины. От корки до корки.

— И что?

— И он был нормальный. Я читал нормально. Я заметил — перед тем, как он стал нормальный, он хотел быть неправильный. Но я его дочитал. И он стал правильный.

Синичкина записала это в блокнот. Медленно. Аккуратно. Не потому, что надо. Потому что это было правильно.

Дроздов опустил телефон.

Муромцев посмотрел на кота.

Кот сидел у третьего стола. Смотрел на литеру «Ъ» в третьей ячейке третьей кассы.

И — впервые за всю серию — отвернулся. Отвернулся от чего-то нарочно. Как кот, который не хочет смотреть на то, что его пугает.

Все это увидели.

Никто ничего не сказал.

— Никита Кузьмич, — сказал вдруг Орлов.

— Я не Никита Кузьмич, — сказал домовый типографии, впервые за всю главу подавая голос — из угла, где сидел на подоконнике с литерой в руке. — Я Никита Прокопьевич старший. Просто Никита. Меня зовут так же, как его.

Он кивнул на Никиту Прокопьевича.

— Мы знакомы сорок лет, — сказал Никита Прокопьевич. — Он никогда мне не мешал. Я ему никогда не мешал. Мы делим типографию. Он — слова. Я — железо.

— А как вы... — начала Синичкина.

— Так же, как у вас в доме на Пожарной, — сказал домовой типографии. — Только у меня — печатный станок. А у него — табурет. Разницы никакой.

Он прыгнул с подоконника. Подошёл к столу. Взял книгу. Открыл на первой странице.

И сказал:

— Слушайте.

Он начал читать вслух.

Первую страницу.

«Первый тираж — две тысячи пятьсот экземпляров».

Он прочёл.

Ничего не произошло.

Он прочёл вторую строку.

«Второй тираж — две тысячи четыреста восемьдесят».

Ничего.

Он закрыл книгу.

— Я так не умею, — сказал он. — Он умел. Я — нет. Я железо умею. Он — слова.

— А зачем вы тогда книгу нам показали? — спросил Орлов.

— А затем, — сказал домовой типографии, — чтобы вы сами прочли. Кто читает — тот и автор. Помните?

— Мы не можем сами, — сказал Орлов.

— Можете, — сказал домовой. — Только вы не одни

должны. Вы — все.

Он кивнул на Акима.

— Мальчик вчера один дочитал. Я видел. Он не сломался. Он — дочитал.

Все обернулись к Акиму.

Аким сидел на цинковом столе. Он держал в руках лист из машины. Он приложил его к губам. Он подумал.

И сказал:

— Я могу прочитать ещё раз. Всё, что в машине. Но я не один хочу. Я хочу с ним. — Он показал на домового. — И с ней. — Он показал на книгу.

— А мы? — спросил Дроздов.

— Вы — стоите, — сказал Аким. — И слушаете. Это тоже считается.

— Ну, — сказал Громобоев, впервые заходя в цех и становясь у сборной кассы, — это я могу.

Он сказал это без иронии. Даже без формы на нём было видно, что он стоит у кассы для порядка. Как всегда.

Никита Прокопьевич подошёл к машине. Он снял с неё рулон. Он положил на цинковый стол новый лист газеты — чистый, ещё не прокатанный. Он поставил на него книгу. Он отступил.

Аким — не спеша — поднял чистый лист. Он его приложил к губам. Он его опустил. Он его положил обратно.

И сказал:

— Начинаем.

Все молчали.

Дроздов выключил телефон.

Кулибин снял очки.

Синичкина закрыла блокнот.

Муромцев — сел на цинковый стол. Осторожно, чтобы не слишком прогнулся.

Орлов — стоял.

Громобоев — стоял.

Дракон — стоял, лапы в карманах плаща.

Домовой типографии — стоял у набора.

Кот Тимофей — сидел у третьего стола. Лицом к кассе. Не отвернулся. Больше — не отвернулся.

Аким глубоко вздохнул.

И начал читать.

Глава 5. Последний тираж

Он читал долго.

Он читал весь номер. От корки до корки. Восемь полос. Заголовки, подзаголовки, подписи под фотографиями, даты, фамилии. Он читал ровно. Не спеша. Он не пропускал ни строчки. Иногда он останавливался на абзаце и прикладывал лист к губам — и читал дальше.

Никто не перебивал.

В цехе было тихо. Машина не работала. Линотип не грелся. Ротация стояла. Даже лампы над кассами не мигали.

Сначала ничего не происходило.

Потом — начало.

Первое, что заметили, — буквы. На листе, который лежал у Акима на столе, буквы стали чуть глубже. Как будто краска просела под собственную тяжесть. Это было почти незаметно. Но Синичкина, смотревшая не в блокнот, а на лист, — заметила.

Потом заметили воздух. В цехе стало на один градус холоднее. Не простыло, не сквозило — а как будто кто-то открыл дверь в подсобку и прикрыл её. Дверь в подсобку была закрыта. Никита Прокопьевич потом проверил.

Потом заметили свинец. Литеры в третьей кассе — в той самой, где одна была «Ъ», — начали тихо звенеть. Не греметь. Не стучать. Звенеть. Как звенят ложки, когда их ставят на стол в чужой квартире. Очень тихо. Очень вежливо.

Дроздов хотел сказать, но промолчал. Ему стало не до комментариев.

Аким читал.

Абзац про Свешникова шёл последним на четвёртой полосе. Аким дочитал его ровно так, как он был в машине:

«...и не вернулся. Дело закрыли. Семья уехала. В городе о нём не вспоминают».

Он поставил точку.

И остановился.

Он положил лист на стол. Отставил руку. Посмотрел на Орлова.

— У меня всё, — сказал он.

Орлов кивнул.

Он подошёл к столу. Взял лист. Прочитал. Прочитал вслух, про себя, потом прочитал глазами — ещё раз. Потом ещё раз.

Ничего не изменилось. Абзац был ровно тот, что в машине. Ровно тот, что в заявлении. Ровный.

Орлов посмотрел на дракона.

Дракон подошёл. Взял лист. Прочитал. Отдал.

Дракон посмотрел на домового.

Домовой типографии — который всё это время стоял у кассы — подошёл. Взял лист. Прочитал. Ничего не сказал. Отдал обратно.

И тогда сказал Никита Прокопьевич:

— Слушайте.

Он держал в руках книгу. Открытую. На последней странице.

— Тут новая запись, — сказал он.

Все подошли.

На последней странице книги, на самой последней строчке, которой раньше не было, было написано — аккуратно, коричневыми чернилами, почерком, который не был почерком Никиты Прокопьевича, и не был почерком Свешникова, и вообще ничьим конкретным почерком, а как будто почерком самой книги:

«Тираж — две тысячи двести. Последний. Автор — А. А. Акимов».

Аким посмотрел.

Потом сказал:

— Это я.

— Да, — сказал дракон.

— Я не Акимов. Я — всё равно Акимов. Фамилия Акимов.

— Да.

— Но я не хочу. — Аким сказал это очень спокойно. — Я не хочу быть автором. Я хочу быть читателем. Автор — он. Он показал на домового типографии.

Домовой типографии наклонил голову.

— Мальчик, — сказал он. — Автор — это тот, кто прочёл вслух. Кто прочёл вслух — тот и автор. Я тебе это не придумал. Это правило. На форзаце написано.

— Помню, — сказал Аким.

— Тогда так. — Домовой типографии взял книгу. Закрыв её. И поставил её на третью полку снизу — отдельно. Рядом с папками. — Ты будешь автором. А я буду держать. Ты — писать. Я — держать.

— А если типография закроется? — спросил Орлов.

Домовой типографии посмотрел на него.

Потом сказал спокойно:

— Закроют — не закроют, а я всё равно останусь. Я не держусь за кирпич. Я держусь за ремесло. Пока есть хоть один набор, хоть один линотип, хоть один ламповый свет над кассой — я на месте. Станок в музей отдадут — я пойду в

музей. Станок в подвал отдадут — я пойду в подвал. Мне бы сохранить одно — чтобы книга осталась в деле. Чтобы её вёл хоть кто-нибудь. Вот и всё.

— А если книгу в музей?

— Тогда пусть в музей. — Домовой типографии пожал плечами. — Только не в закрытый фонд. В открытый. Чтобы её читали. Если читают — я жив.

Орлов помолчал.

Потом сказал:

— Есть ещё одна деталь.

— Какая? — спросил дракон.

— Тираж. — Орлов посмотрел на книгу. — Две тысячи двести. Ровно тот, что стоял в последней строке раньше. До Акима.

Никита Прокопьевич подтвердил:

— Да. Две тысячи двести. Это старая последняя строка. Теперь рядом ещё одна. — Он показал на рукописную запись. — «Последний. Автор — А. А. Акимов».

— Значит, — сказал дракон, — тираж изменится в последний раз. Всего один раз. Мы прочли — он закрепится.

— На сколько?

— На две тысячи двести, — сказал дракон. — Как в книге.

— А не должно быть?

— Должно было быть две тысячи сто девяносто шесть. — Дракон посмотрел в свои записи. — Я взял справку у Матвея Сергеевича. В редакции стоит цифра две тысячи сто де-

вяносто шесть. Это тираж, который они поставили в план.

— Четыре лишних.

— Четыре лишних. — Дракон кивнул. — Они лишние просто так.

Дроздов посмотрел на лист. Потом на машину. Потом на книгу. Потом на Акима.

— А где они?

— Как где, — сказал Никита Прокопьевич. — В машине. Лежат. Четыре экземпляра. Тех, которые не должны были быть. Я их видел утром, но не понял, что это за четыре. Просто четыре газеты. Я не считал.

— Достаньте.

Никита Прокопьевич подошёл к машине. Открыл лоток. Вынул верхние четыре газеты. Аккуратно. Положил на цинковый стол.

Все подошли. Дроздов снял верхнюю. Посмотрел. Положил. Взял вторую. Посмотрел. Положил. Взял третью. Посмотрел. Положил. Взял четвёртую. Посмотрел. Замер.

— Александр Иванович, — сказал он.

— Что.

— Четвёртая — другая.

Орлов взял её. Прочитал.

Абзац про Свешникова заканчивался так:

«...и не вернулся. Дело закрыли. Семья уехала. В городе о нём не вспоминают. Сегодня, спустя тридцать лет, друзья и коллеги снова собрались в цехе, чтобы его вспомнить».

— Один лишний абзац.

— Да, — сказал дракон тихо.

— Он нам намекает.

— Он нам пишет, — сказал дракон. — Он соавтор. Всегда был. Просто мы не позволяли ему править с нами. Он умел только править один. А когда мы прочли вместе — он смог сказать самое главное. Через четыре лишних экземпляра.

Орлов посмотрел на Никиту Прокопьевича.

Никита Прокопьевич смотрел в стену.

Потом сказал:

— Он хочет, чтобы мы сделали то, что вы дома сделали в деле 9. Не закрывать. Сохранять.

— Да, — сказал дракон.

Никита Прокопьевич помолчал.

Потом сказал:

— Я подумаю.

— А что вы можете сделать?

— Я — наборщик. — Никита Прокопьевич посмотрел на Орлова прямо. — И я в этой типографии с семьдесят девяти-того. И я за неё отвечаю. Вот что я могу сделать: пока я тут, пока цех мой, пока станок стоит — я буду вести книгу. Каждый день. По правилу. И пусть рядом с моей рукой его рука будет. Мы не будем спорить. Мы будем делать вместе.

— А с помещением? — спросил Орлов.

— С помещением — это как в деле 9. Ваша часть. — Никита Прокопьевич кивнул на дракона. — Тут я ничем не по-

могу. Но я вам скажу: пока типография — работающее дело, никто её не тронет. Стоит остановиться — и её нет.

Орлов посмотрел на дракона. Дракон — на Орлова.

— Пятница, — сказал дракон. — Комиссия в три. Я возьму на себя.

— Хорошо, — сказал Орлов.

Он посмотрел на домового типографии.

Домовой типографии смотрел на него.

— Никита Прокопьевич старший.

— Да.

— Вы согласны?

— Согласен.

Домовой типографии отошёл к окну. Сел на подоконник. Свесил ноги. Взял литеру «Ъ» в руки. И стал смотреть на цех как хозяин, который только что остался хозяином.

Кот Тимофей — впервые за все три дня — встал. Прошёл через цех. Подошёл к подоконнику. Сел рядом с домовым. Не на перила, как в деле 9. Просто рядом. На подоконник.

Они вместе смотрели в цех.

Аким стоял у цинкового стола. Держал лист. Приложил к губам. Подумал. И положил лист обратно — на стол. Не скомканным. Аккуратным.

Он посмотрел на книгу.

Книга лежала на третьей полке снизу. Отдельно.

Орлов сказал:

— Собираемся.

Все двинулись к двери.

Аким не двинулся.

— Аким.

— Я приеду завтра, — сказал Аким. — Я хочу прочитать ещё раз. Другой номер. Настоящий.

— Читай, — сказал Никита Прокопьевич.

Аким кивнул.

Он остался в цехе.

ЭПИЛОГ. Полоса

Через месяц типография не закрылась.

Она не превратилась в музей. Она не превратилась в клуб. Она осталась типографией. Но в ней кое-что поменялось.

Во-первых, типография стала городской исторической мастерской. Это придумал не Орлов. Это придумал Кириллов — тот самый зам по строительству, который подписал дело на Пожарной. Он пришёл в типографию на четвёртой неделе. Постоял у линотипа. Посмотрел на кассу. Спросил: «А она ещё работает?» Никита Прокопьевич сказал: «Работает». Кириллов сказал: «Тогда работайте». И ушёл.

Через неделю пришла бумага: типография получила статус объекта культурного наследия ремесленного значения. Это формулировка такая. Никто толком не знает, что она значит. Все знают, что она спасает.

Во-вторых, типография стала читать. То есть — буквально. Каждую пятницу в цехе кто-нибудь читал вслух. Кто угодно. Мог прийти любой житель Тихогорска, по записи, и прочесть номер, который вышел на неделе. Вслух. От корки до корки. Считалось — так надо. Никто не объяснял, почему. Просто надо. Люди приходили. Читали. Уходили.

В третьих, книгу не спрятали. Книгу поставили на открытую полку — третья, снизу. Её вёл Никита Прокопьевич. Рядом с его записью иногда появлялась другая запись — тонкая, коричневыми чернилами. Никто не знал, кто её делал. Все знали, зачем.

В четвёртых — Аким.

Аким приходил каждый день после школы. Он читал вслух. Он читал не только газеты — он читал книгу. Он читал записи. Он читал форзац. Иногда он останавливался на строке и прикладывал лист к губам. Потом читал дальше.

И домово́й типографии — Никита Прокопьевич старший — стал виден. Не всем. Только тем, кто читал вслух. Только тем, кто прошёл через полосу до конца. Только тем, кто не перескакивал. Как только кто-то пытался схалтурить — домово́й уходил к себе на подоконник и весь день не выходил.

Первого сентября пришли Орлов и Синичкина.

Они зашли без повода. Просто зашли. Типография работала. Машина крутилась. Линотип грелся. Аким читал вслух что-то из свежего номера. Никита Прокопьевич стоял у касс. Домовой типографии сидел на подоконнике с literой в руке.

Синичкина прошла по цеху. Подошла к третьей полке снизу. Открыла книгу.

Последняя страница была новая. Коричневыми чернилами.

«Полоса — раздел. Кто читает — тот и оставляет».

Она погладила страницу.

Закрыла книгу.

Поставила обратно.

Она не стала писать в блокнот. Как в деле 9 — не стала.

Орлов стоял у наборной кассы. Смотрел на литеру «Ъ» в третьей ячейке третьей кассы. Литера была на месте. Он её не тронул.

Он подошёл к домовому.

— Никита Прокопьевич.

— Да.

— У нас в отделе на подоконнике появился росток. В деле 9. Через неделю после сноса.

— Я знаю, — сказал домовый. — Мне Фёдор Кузьмич писал. У них переписка. Они оба — хозяева. Они друг друга знают.

— Переписка?

— Да. По тетрадам. — Домовой типографии улыбнулся.

— Он в клетку пишет. Я в линейку. Сходится.

Орлов подумал.

Потом сказал:

— Ладно.

И вышел.

За ним — Синичкина.

И только когда они вышли на крыльцо типографии и пошли к машине, Синичкина сказала:

— Александр Иванович.

— Что.

— Он ведь теперь навсегда.

— Да.

— Как Фёдор Кузьмич.

— Как Фёдор Кузьмич.

— А это надолго.

— Да.

Они сели в машину.

Тимофей — на заднем сиденье, на коленях Муромцева.

Муромцев посмотрел на него.

— Тимофей.

Кот посмотрел на Муромцева.

Муромцев сказал:

— Ну что. Нормально.

Кот закрыл глаза.

Муромцев положил руку ему на спину.

Машина поехала.

В отделе номер семь на подоконнике стояли горшки.

Герань. Дубок. Клён. Слянка с солёной водой. Банка с речной галькой. Росток в терракотовом горшке — уже второй по счёту, из дела 9. И рядом — новый. Совсем маленький. В жестяной банке. В земле. Тонкий зелёный стебель. Никто его не сажал. Никто его не поливал. Он рос.

Тимофей зашёл в отдел. Осмотрел подоконник. Осмотрел новый горшок. Сел рядом.

Внимательно посмотрел на стебель.

Стебель стоял ровно.

Тимофей поднял голову. Посмотрел на Орлова.

Орлов посмотрел на кота.

— Принято, — сказал Орлов.

Он открыл шкаф. Поставил на полку новую папку. С надписью: «Дело 10. Заводская, 7. Типография. Тираж, книга, полоса».

Закрыв шкаф.

Взял следующую папку. Пустую. Посмотрел на неё.

Потом спросил:

— А что дальше?

Никто не ответил.

Тимофей — посмотрел в окно.

За окном шёл сентябрь. Падал мягкий тёплый свет. Тихо-

горск жил, как всегда. Не торопясь. Держась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.